

организации и способы принятия управленческих решений. Существует специальная дисциплина - коммуникативный менеджмент. Но в случае с государственным управлением важность коммуникативной и семиотической составляющей уходит на второй план, поэтому страны находящиеся в переходном состоянии и продолжают наступать все на одни и те же грабли при построении новой системы. Как бы мы не хотели построить систему демократического типа, если коммуникативная сеть, заменяется жесткой иерархией, вместо демократии мы получаем новую форму авторитаризма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. У.Эко Отсутствующая структура. С. 71.
2. Там же. С. 83.
3. Эко У. Отсутствующая структура.
4. Сапронов М.В. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость // ОНС. 2001. № 1. С. 150.

Шебля О.Д., г. Екатеринбург

ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

В классическом типе рациональности интеграция частей предполагалась на основании принципа *ordinata concordia* (лат. упорядоченное согласие): сущность целого должна была проявлять себя в отдельных феноменах и их согласованном движении к общей цели (источник такого подхода – в схоластическом типе философствования). Поэтому впоследствии в политических науках понятие интеграции стало преимущественно использоваться для обозначения либо перспективы единства (равно: политической, экономической, культурной унификации), либо как синоним политического блокирования с определенной целью, либо того и другого взятых вместе. Отсюда же и тезис об усилении дифференциации и регионализации как следствия спецификации общественного труда.

В этой связи интересен главный тезис теории общественной коммуникации Н.Лумана о смене форм дифференциации (то есть их культурно-исторической вариативности), а не об усилении некой единой универсальной формы. Исходя из этого, «господствующая в то или иное время форма дифференциации определяет еще и то, как можно рассматривать единство общества в обществе и какие ограничения степеней свободы следуют отсюда для отдельных частных систем» [1]. Функциональная дифференциация, связывающая мир сегодня, таким образом, тоже должна рассматриваться как исторический вариант соотношения частных систем (государств в данном случае) друг относительно друга. Тем не менее, мы не признаем за ней права на абсолютную теоретическую адекватность. Это понятие не должно претендовать на домен внутренней политики и оспаривать, например, свойственную азиатским обществам стратификационную дифференциацию.

Развивая известное утверждение Д.Бэлла о том, что сегодня масштаб государства становится слишком велик для решения малых проблем и слишком мал для решения крупных проблем, У.Бек предлагает модель транснационального государства. По его мнению, «глобализация говорит не столько о закате политики, сколько о том, что политическое вырывается за категориальные рамки национального государства» [2]. Но это ни в коем случае не должно обозначать утрату политического суверенитета, а значит и утрату политической ответственности. Транснациональное государство, наиболее адекватно конституирующее себя в региональной интеграции, оказывается новой формой институционализации политической коммуникации, поскольку «современное общество обменивает интеракцию на организацию там, где речь идет о том, чтобы осуществлять долгосрочную синхронизацию также и при высокой сложности... <Однако> в отли-

чие от случая с интеракцией, при организации речь идет не об универсальном феномене любого общества, но об эволюционном достижении, предполагающем сравнительно высокий уровень развития» [3]. Таким образом, сущностно сложный, комплексный характер взаимозависимостей функциональных систем поверх государственных границ заставляет государства-нации делить свой суверенитет с кооперативными транснациональными структурами с тем, чтобы получить возможность организационного формирования

Как очень перспективный с методологической точки зрения мы оцениваем используемый Н. Луманом в его конструктивистской теории познания принцип повторного ввода. Являясь в некотором смысле вариацией диалектической схемы, он последовательно может объяснить сущность инклюзивного суверенитета – механизма подключения все новых субъектов к транснациональному сотрудничеству. «Они <функциональные системы> основывают любую операцию на различии между двумя значениями и тем самым гарантируют, что всегда возможна такая подключающаяся коммуникация, которая может вызвать переход к противоположному значению»; в то же время «между позитивными и негативными значениями устанавливаются симметричное, циклическое отношение, которое символизирует единство систем» [4]. Получается, что в контексте мировой функциональной дифференциации всякое изменение является двойным, так как изменение частной системы будет одновременно изменением окружающего мира других частных систем. Поэтому любое взаимодействие субъектов (в нашем случае субъектов политического интереса) будет конституироваться на фоне возможности продолжения коммуникации.

Продолжая традицию диалектического философствования в противоположность линейному эволюционизму, считавшему, что развитие – это все большее приспособление к окружающей среде, можно сказать, что политический процесс автологичен по своей сути, то есть он порождает смысл, исходя из отсылок к собственным практикам, каждый раз оставляя новую комбинацию возможностей. По мере времени нарастает «багаж» практик и соответственно увеличивается вариантность будущих возможностей, причем в неизмеримо крупных масштабах, так, что предсказать даже ближнюю перспективу становится все сложнее.

По целому ряду причин мы находим неудовлетворительными возможные в рамках классических линейных теорий развития объяснения современных процессов глобализации и регионализации. Во-первых, само представление о глобализации как структурной унификации находится в прямом противоречии с наблюдаемым на сегодняшний день в самых разных уголках планеты возрождением локального (от движения за установление в Шотландии парламентаризма до оживления транснациональной кооперации в Латинской Америке). Мир, получается, не унифицируется, а, напротив, стремится быть все более разнородным. Во-вторых, в подобного рода подходах очевидна подмена причинно-следственных зависимостей с манипулятивными целями. В таком случае саму вероятность локального выводят из либеральной культуры толерантности, а также пермиссивной (т.е. разрешающей) позиции более значимых субъектов политического процесса. Однако отсюда проистекает и движение в обратную сторону: заявляется право требовать от частного уступок в пользу общего, подчеркивая тем самым зависимый характер частного. «Локальности часто приходится уступать большей «локальности». У нации есть права, которых лишена локальность... Говоря о глобальном и локальном, наверное, первое следует рассматривать в качестве большей «локальности», стоящей над нацией» [5]. Это становится своего рода формулой нового космополитизма, в рамках которого будет считаться, что международное сотрудничество рождает глобальную куль-

туру терпимости, а «глобализация, космополитизм и локальное сливаются...То, что раньше было идеалом и утопией (космополитизм Просвещения), стало практикой» [6].

Социологический конструктивизм предлагает принципиально иное понимание системной динамики современного мира. Сложившийся на сегодняшний день тип структурно-экономической организации общества – капиталистическое хозяйство – нуждается в локальных ресурсах. И если еще 50-100 лет назад по своему характеру это были природные или трудовые ресурсы, то сейчас для мировой системы на первый план по значимости выходит культурный ресурс – как источник идей для введения производственных новаций. Если исходить из теории ограниченного спроса на труд, то все, что могло быть изобретено, уже изобретено. Однако, как сказал Марк Адриксен, основатель одной из крупнейших корпораций NetScape, «глобальный пирог растет по той простой причине, что сегодняшние прихоти становятся завтрашними потребностями» [7]. Постоянное конструирование новых рыночных потребностей – вот то, что поддерживает существование мировой хозяйственной системы. Это было предвосхищено еще Э.Дюркгеймом, писавшим, что поскольку «цивилизация сама по себе не имеет абсолютной внутренней ценности; цену ей придает то, что она соответствует определенным потребностям. Но...эти потребности суть сами следствия разделения труда» [8].

Таким образом, внутреннее различие становится залогом существования системы. Поэтому актуализация локального, в том числе, в новом для него, культурном смысле, является залогом существования мира как системы (а не наоборот). И если «старые общества были организованы иерархически, а также в соответствии с различием центра и периферии. <Им> соответствовал мировой порядок, который предусматривал ранговую упорядоченность и центр. <То> форма дифференциации современного общества требует отказаться от этих структурных принципов, и, соответственно, ...общество приобретает гетеро-архичный и а-центричный <порядок>» [9]. Поэтому мир как система – это единство различного, находящегося в динамической связи.

Для обозначения такого диалектического отношения мы находим удачным термин Р.Робертсона «глокализация», который он ввел для тенденций универсализации и партикуляризации [10]. Сам он определяет глокализацию как «омогенизацию и гетерогенизацию. Эти одновременные тенденции в конечном счете взаимодополняемы и взаимно проникают друг в друга, хотя, конечно, в конкретных ситуациях они могут прийти, да и действительно приходят в столкновение друг с другом» [11]. Однако, на наш взгляд, такое разделение этих двух тенденций вплоть до антагонизации во многом неоправданно. На сегодняшний день мир как система может существовать только благодаря воспроизводству противоречий и разнородностей. Локальное и глобальное, таким образом, оказываются в отношениях диалектической связи. Поэтому мы не спешим определять современные практики создания региональных союзов (будь то организации подобные ЕС, НАФТА, АСЕАН или МЕРКОСУР) как простое следствие актуализации или возрождения локального. На наш взгляд, они как раз являются результатом процесса глобализации в его мультикаузальном, а только потому и мультиконсеквенциональном свойстве.

Логично, что территории с историей интенсивных контактов образуют в себе транснациональные структурные связи. Способом институционального закрепления этих связей становятся сегодня наднациональные союзы. То, что подобные союзы оказываются региональными образованиями, как мы думаем, объясняется тем, что структурные связи в них были конституированы через рекурсивную фактичность контактов, имевших не только временную, но и пространственную протяженность. Поэтому интересы (в том числе, политические) оказываются привязаны пока к конкретному региону. Не исклю-

чено, что по мере освоения виртуального мира появится какая-то иная, не региональная форма транснационального государства.

Таким образом, тенденции глобализации и регионализации, на наш взгляд, связаны отношением глубокого смыслового единства. Их кажущееся противоречие является признаком диалектической взаимосвязи – залогом онтологической перспективы. Ни одна линейная методология не в состоянии дать этого и только конструктивистский подход к объяснению политической реальности может на сегодняшний день предложить альтернативу концу истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Луман Н. Дифференциация. М.: Издательство «Логос», 2006. – С.32.
2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С.11.
3. Луман Н. Дифференциация. М.: Издательство «Логос», 2006. – С.263.
4. Луман Н. Дифференциация. М.: Издательство «Логос», 2006. – С.176-177.
5. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы/http://www.isras.ru/files/FILE/Socis/1-6-2006/mazlish_bruce.pdf
6. Мазлиш Б. Там же.
7. Цит. по: Фридман Т. Плюсовой мир: краткая история XXI века. М.: Издательство «Хранитель», 2006. – С.295.

Заболотная Г.М., Вавилов П. В., г. Тюмень

ПРОСТРАНСТВО ВИДОВ СПОРТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА П. БУРДЬЕ

Анализ спорта как социального феномена в современной социологии осуществляется с позиций разных методологических подходов. Но традиционно доминирует структурный функционализм, в рамках которого исследуются социально востребованные функции спорта, его связь с другими социальными институтами (образованием, семьей, религией), экономикой и политикой, разными формами досуга. Развивая идеи Э. Дюркгейма, ряд исследователей подчеркивает влияние спорта на поддержание социальных связей и солидарности, нормативного порядка: спорт нейтрализует жесткие формы соперничества, объединяет людей, выполняет функцию социального контроля. Соответственно с позиций структурно-функционального подхода управление развитием спорта должно быть ориентировано на раскрытие его социализирующего и воспитательного потенциала, влияния на укрепление здоровья, на реализацию потребностей в активном отдыхе, социально-эмоциональных и эстетических функций. Развитие спорта в этом контексте рассматривается как результат усложнения его функций. Одновременно предполагается, что управление должно быть ориентировано на обнаружение и минимизацию возможных дисфункциональных проявлений в сфере спорта, его дегуманизации. Кроме того, включение в спорт разнохарактерных видов деятельности привело к выделению в системе спорта разных подсистем (профессиональный спорт, любительский спорт, спорт для всех, детско-юношеский спорт, студенческий спорт, спорт для инвалидов и др.), что диктует в каждом случае свой специфический подход к управлению.

Другие методологические принципы анализа спорта содержатся в постклассических социальных теориях, в том числе М. Фуко, П. Бурдьё, феминистской социологии и др. Интересным нам представляется подход П.Бурдьё к анализу спорта в контексте его концепции социального пространства и в целом методологического подхода, который сам французский социолог определял как «конструктивистский структурализм». По мысли П. Бурдьё, социальное пространство структурировано связями, которые по сути своей есть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов (капиталов). Про-